014 LE FAUT-IL AINSI?"
par LÉON TOLSTOY.
75 cent.; 7 1/2 d.; 15 ... 60 Pf.; 30 коп.

Библіотека Главнаго Управленія

НЕУЖЕЛИ ЭТО ТАКЪ НАДО?

Л. Н. ТОЛСТОГО.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

J. N. LUDMAN

Изданіе „Свободнаго Слова".

№ 45.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1901.

Изданія „Свободнаго Слова“ можно пріобрѣсти въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Les éditions de la Parole Libre peuvent être obtenues dans des librairies suivantes:

АНГЛІЯ (Angleterre).

Asher & Co. 13, Bedford Street, Covent garden, London, W. C.
Murdoch & Co. Libr. 26, Paternoster Square, London, E. C.
Grevel & Co. Library. 33, King Street, London, W. C.
H. K. Lewis, Publisher. 136, Gower Street, London, W. C.
Mudie's Select Library. New Oxford Street, London, W. C.
Nilsson & Co (Booksellers). 16-18, Wardour Str., London, W.
David Nutt. 57—59, Long Acre, London, W. C.
Russian Free Library. 16, Church Lane, London, E.
R. F. P. Fund Co. 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.
F. A. Brockhaus. 48, Old Bailey, London, E. C.
Simpkin, Marshall, Hamilton & Co. 31-32, Paternoster Row, London, E. C.
Truslove & Hanson. 6 B, Sloane Street, London, S.
" " " 143, Oxford Street, London, W.
Williams & Norgate. 14, Henrietta Street, Covent garden, London, W. C.
C. I. H. Wright, Library. St. James Square, London, S. W.
Hirschfeld Bros, Publishers. 13, Furnival Street, Holborn, London, E. C.
Hachette & Co. Library. 18, King William Str., Charing Cross. London.
K. Paul, Trench, Trübner & Co. Paternoster House, Charing Cross Road, London.
Bauermeister. Bookseller. 49, Gordon Str, Glasgow.
W. George's Sons. The Book Store. Bristol.
S. Law, Marston & Co. St. Dunstan's house, Fetter Lane, London, E. C.

АВСТРІЯ (Autriche).

Gebethner i Sp. Librairie, Crakovie (Kraków), Galicia.
Gubrynowicz i Schmidt. Librairie, Lemberg (Lwów), Galicia.
Jout Barvic. Knihkupectvi. Brno (Brünn), Morawia.
A. Pisa, knihkupectvi. 13, Rudolfova ulice, Brno. Morawia.
Grossman a Svoboda. Ferdinandova trida, Praha, Bohemia.
Höfer & Kloucek. Knihkupectvi. 24, Ruzova ulice, Praha.
I. L. Kober. Knihkupectvi. 736, Vodickova ulice, Praha.
F. Topic. Librairie française. 9, Ferdinandova trida, Praha.
Stark'sche Buchhandlung. Karlsbad, Böhmen.
Wilhelm Frick. Hofbuchhandlung. 27, Graben, Wien.
L. Rossner. Buchhandlung. 16, Franzensring, Wien.
G.Georgi, Buchhandlung. Kurort Arco Riva a/ Gardasee.

„LE FAUT-IL AINSI?“
par Léon Tolstoy.

НЕУЖЕЛИ ЭТО ТАКЪ НАДО?

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 45.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1900.

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ
226213

Неужели это такъ надо?*)

I.

Стоитъ среди полей обнесенный стѣной чугунолитейный заводъ съ непереставая дымящимися огромными трубами, съ гремящими цѣпями, домнами, съ подъѣздной желѣзной дорогой и раскинутыми домиками завѣдующихъ и рабочихъ. На заводѣ этомъ и въ шахтахъ его, какъ муравьи, копаются рабочіе люди: одни на 100 аршинъ подъ землею въ темныхъ, узкихъ, душныхъ, сырыхъ, постоянно угрожающихъ смертью проходахъ съ утра до ночи, или съ ночи до утра, выбиваютъ руду; другіе въ темнотѣ, согнувшись, подвозятъ эту руду или глину къ дудкѣ и везутъ назадъ пустые вагончики, и опять наполняютъ ихъ, и такъ работаютъ по 12, 14 часовъ въ день всю недѣлю.

---

*) При выпускѣ въ свѣтъ настоящей брошюры, намъ приходится почти дословно повторить ту же самую оговорку, которую мы помѣстили въ концѣ статьи *„Гдѣ выходъ?“* Л. Н. Толстого, вышедшей въ *„Листкахъ Свободнаго Слова“* № 18.

Объ эти статьи были вчернѣ написаны еще въ 1898 году, но затѣмъ отложены авторомъ въ сторону для болѣе подробнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, результатомъ чего было появленіе книги *„Рабство нашего времени“*, недавно нами изданной. По окончаніи работы надъ

Такъ работаютъ въ шахтахъ. На самой домнѣ работаютъ одни у печей при удушающей жарѣ, другіе у спуска растопленной руды и шлака. Третьи — машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники, въ мастерскихъ также по 12, 14 часовъ всю недѣлю.

По воскресеньямъ всѣ эти люди получаютъ расчетъ, моются и, иногда немытые, напиваются въ трактирахъ и кабакахъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ заводъ и заманивающихъ рабочихъ, и съ ранняго утра въ понедѣльникъ опять становятся на ту же работу.

Тутъ же около завода мужики пашутъ на измученныхъ, захудалыхъ лошадяхъ чужое поле. Мужики эти встали на зарѣ, если они не провели ночь въ ночномъ, т. е. не ночевали у болота, — единственное мѣсто, гдѣ они могутъ накормить лошадь, — встали они на зарѣ, пріѣхали домой, запрягли лошадь и, захвативъ краюху хлѣба, поѣхали пахать чужое поле.

Другіе же мужики тутъ же недалеко отъ завода сидятъ на шоссейной дорогѣ, пригородивъ себѣ изъ рогожки защиту, и бьютъ шоссейный камень. Ноги у этихъ людей избиты, руки въ мозоляхъ, все тѣло грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкія ихъ пропитаны известковой пылью.

Взявъ изъ неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми въ лапти и обмотанными ветошками ступнями ногъ,

---

этой книгой Л. Н. любезно согласился на нашу просьбу предоставить намъ издать и эти первыя двѣ статьи, для чего онъ сызнова пересмотрѣлъ и обработалъ ихъ въ октябрѣ нынѣшняго года.

Несмотря на неизбѣжное при такихъ обстоятельствахъ повтореніе нѣкоторыхъ мыслей, статьи эти настолько важны и самостоятельны по своему содержанію и такъ богаты, каждая изъ нихъ сама по себѣ, совершенно особенными достоинствами, что читатели наши — мы увѣрены въ томъ — будутъ рады имѣть возможность съ ними ознакомиться.

Ред.

Библиотека

бьютъ по камню тяжелымъ молотомъ до тѣхъ поръ, пока камень разсядется; а когда разсядется, берутъ разбитые куски и бьютъ по нимъ тѣхъ же поръ, пока и эти не разобьются на мелкій щебень, и опять берутъ цѣлые камни, и опять дробятъ.

И такъ работаютъ эти люди отъ утренней ѣтней зари до ночи — 15, 16 часовъ, отдыхая только часа два послѣ обѣда, и два раза, въ завтракъ и въ полдень, подкрѣпляютъ себя хлѣбомъ и водой.

И такъ живутъ всѣ эти люди и въ шахтахъ, и на заводѣ, и пахари, и каменобойцы, съ молодыхъ лѣтъ и до старости; и такъ же живутъ въ непосильныхъ трудахъ ихъ жены и матери, наживая маточныя болѣзни; и такъ же живутъ ихъ отцы и дѣти, плохо накормленные, плохо одѣтые, въ сверхсильной, губящей здоровье работѣ, съ утра и до вечера, съ молодости и до старости.

А вотъ мимо завода, мимо каменобойцевъ, мимо пашущихъ мужиковъ, встрѣчая и обгоняя оборванныхъ мужчинъ и женщинъ съ котомками, бредущихъ изъ мѣста въ мѣсто и кормящихся Христовымъ именемъ, — катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной гнѣдой четверней пятивершковыхъ коней, изъ которыхъ худшій стоитъ всего двора каждаго изъ любующихся на эту четверню мужиковъ. Въ коляскѣ сидятъ двѣ барышни, блестя яркими цвѣтами зонтиковъ, лентъ и перьевъ шляпъ, стоящихъ каждая дороже той лошади, на которой пашетъ мужикъ свое поле; на переднемъ мѣстѣ сидитъ блестящій на солнцѣ галунами и пуговицами офицеръ въ свѣже вымытомъ кителѣ; на козлахъ — грузный кучеръ въ шелковыхъ синихъ рукавахъ рубахи и бархатной поддевкѣ. Онъ чуть не задавилъ богомолокъ и не сбилъ въ канаву проѣзжавшаго порожнемъ мужика, въ его испачканной рудой рубахѣ трясущагося въ телѣгѣ.

„А это не видишь?“ говоритъ кучеръ, показывая кнутъ недостаточно скоро свернувшему мужику, и

мужикъ одной рукой дергаетъ за возжу, а другой — испуганно снимаетъ шапку съ вшивой головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнцѣ никелированными частями машины, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смѣются, перегоняя и пугая крестящихся богомолокъ.

Стороной же отъ шоссе ѣдутъ два верховыхъ: мужчина на англійскомъ жеребцѣ и дама на иноходцѣ. Не говоря о цѣнѣ лошадей и сѣдлѣ, одна черная шляпа съ лиловымъ вуалемъ стоитъ два мѣсяца работы каменобойцевъ, а за стикъ-хлыстъ, — модный англійскій, заплачено столько, сколько получитъ въ недѣлю подземной работы тотъ малый, который идетъ довольный тѣмъ, что нанялся въ шахты, и сторонится, любуясь на гладкія фигуры лошадей и всадниковъ и на жирную, иноземную, огромную собаку въ дорогомъ ошейникѣ, бѣгущую съ высунутымъ языкомъ за ними.

Неподалеку за этой компаніей ѣдутъ на телѣгѣ улыбающаяся, съ завитыми кудряшками, нарядная дѣвица въ бѣломъ фартукѣ и толстый румяный мужчина съ расчесанными бакенбардами, съ папироской въ зубахъ, что-то нашептывающій дѣвицѣ. Въ телѣгѣ видны самоваръ, узлы въ салфеткахъ, мороженица.

Это — прислуга людей, ѣдущихъ въ коляскѣ, верхомъ и на велосипедахъ. Нынѣшній день не представляетъ для нихъ ничего исключительнаго. Они живутъ такъ все лѣто и почти каждый день дѣлаютъ прогулки, а иногда, какъ нынче, — съ чаемъ, напитками и сладостями, съ тѣмъ, чтобы ѣсть и пить не въ одномъ и томъ же, а въ новомъ мѣстѣ.

Господа эти — три семьи, живущія въ деревнѣ и на дачѣ. Одна семья помѣщика — владѣльца 2000 десятинъ земли, другая чиновника, получающаго 3000 жалованья, третья — самая богатая семья — дѣти фабриканта.

Всѣ эти люди нисколько не удивлены и не тро-

нуты видомъ всей той нищеты и каторжнаго труда, которые окружаютъ ихъ. Они считаютъ, что все это такъ и должно быть. Занимаетъ ихъ совсѣмъ другое.

„Нѣтъ, это невозможно,“ говоритъ дама верхомъ, оглядываясь на собаку, — „я не могу видѣть этого!“ и она останавливаетъ коляску. Всѣ говорятъ вмѣстѣ по-французски, смѣются и сажаютъ собаку въ коляску и ѣдутъ дальше, застилая облаками известковой пыли каменобойцевъ и прохожихъ по дорогѣ.

И коляска, и верховые, и волосипедисты промелькнули, какъ существа изъ другого міра; а заводскіе, каменобойцы, мужики - пахари продолжаютъ свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

„Живутъ же люди!“ думаютъ они, провожая глазами проѣхавшихъ. И еще мучительнѣе представляется имъ ихъ мучительное существованіе.

II.

Что же это такое? Сдѣлали что-ли эти работающіе люди что-нибудь очень преступное, за что они такъ наказаны? Или это удѣлъ всѣхъ людей? А тѣ, которые проѣхали въ коляскахъ и на велосипедахъ, сдѣлали или еще дѣлаютъ что-нибудь особенно полезное и важное, за что они такъ награждены? Нисколько! напротивъ, тѣ, которые такъ напряженно работаютъ, большей частью нравственные, воздержанные, скромные, трудолюбивые люди; тѣ же, которые проѣхали, большею частью — развращенные, похотливые, наглые, праздные люди. А все это такъ только потому, что такое устройство жизни считается естественнымъ и правильнымъ въ мірѣ людей, утверждающихъ про себя или то, что они исповѣдуютъ законъ Христа любви

къ ближнему, или то, что они культурные, т. е. усовершенствованные люди.

И такое устройство существуетъ не только въ томъ уголкѣ Тульскаго уѣзда, который живо представляется мнѣ, потому что я часто видаю его, а вездѣ, не только въ Россіи — отъ Петербурга до Батума, но и во Франціи — отъ Парижа до Оверна, и въ Италіи — отъ Рима до Палермо, и въ Германіи, и въ Испаніи, и въ Америкѣ, и въ Австраліи, и даже въ Индіи и въ Китаѣ. Вездѣ два или три человѣка на тысячу живутъ такъ, что, ничего не дѣлая для себя, въ одинъ день съѣдаютъ и выпиваютъ то, что̀ прокормило бы сотни людей въ годъ; носятъ на себѣ одежды, сто̀ящія тысячи, живутъ въ палатахъ, гдѣ помѣстились бы тысячи рабочихъ людей; тратятъ на свои прихоти тысячи, милліоны рабочихъ дней; другіе же, недосыпая, недоѣдая, работаютъ черезъ силу, губя свое тѣлесное и душевное здоровье на этихъ избранныхъ.

Для однихъ людей, когда они еще только собираются родиться, призываютъ акушерку, доктора, иногда двухъ для одной родильницы, приготовляютъ приданое съ сотней распашеночекъ, пеленокъ съ шелковыми ленточками, приготовляютъ на пружинахъ качающіяся телѣжки; другія же, огромное большинство, рожаютъ дѣтей гдѣ и какъ попало, безъ помощи, завертываютъ въ тряпки, кладутъ въ лубочныя люльки на солому и радуются, когда они умираютъ.

За дѣтьми однихъ, покуда мать лежитъ девять дней, ухаживаетъ бабка, нянька, кормилица, — за другими никто не ухаживаетъ, потому что некому, и сама мать встаетъ тотчасъ же послѣ родовъ, топитъ печку, доитъ корову и иногда стираетъ бѣлье на себя, мужа и дѣтей. Одни дѣти растутъ среди игрушекъ, забавъ и поученій, другіе сначала ползаютъ голыми брюхами черезъ пороги, увѣчатся, съѣдаются свиньями, а съ пяти лѣтъ начинаютъ

подневольно работать. Однихъ научаютъ всей научной мудрости, приспособленной къ дѣтскому возрасту, другихъ обучаютъ матернымъ словамъ и самымъ дикимъ суевѣріямъ. Одни влюбляются, заводятъ романы и потомъ женятся, когда уже извѣдали всѣ удовольствія любви; другихъ женятъ и отдаютъ замужъ, за кого нужно родителямъ, для помощи въ работѣ отъ 16 до 20 лѣтъ. Одни ѣдятъ и пьютъ самое лучшее и дорогое, что только есть на свѣтѣ, кормя своихъ собакъ бѣлымъ хлѣбомъ и говядиной; другіе ѣдятъ одинъ хлѣбъ съ квасомъ, и то не вволю и не мягкій, чтобы не съѣсть лишняго. Одни, не пачкаясь, мѣняютъ тонкое бѣлье каждый день; другіе, постоянно работая чужую работу, мѣняютъ грубое, изодранное вшивое бѣлье въ двѣ недѣли разъ, а то и вовсе не мѣняютъ, а носятъ его, пока распадется. Одни спятъ въ чистыхъ простыняхъ, на пуховикахъ; другіе — на землѣ, покрывшись рваными кафтанами.

Одни ѣздятъ на сытыхъ, кормленныхъ коняхъ безъ дѣла, для гулянья; другіе мучительно работаютъ на некормленныхъ лошадяхъ и по дѣлу идутъ пѣшіе. Одни придумываютъ, что бы имъ сдѣлать, чтобы занять свое праздное время; другіе же не успѣваютъ обчиститься, обмыться, отдохнуть, слово сказать, повидаться съ родными. Одни читаютъ на четырехъ языкахъ, веселятся каждый день самыми разнообразными увеселеніями; другіе совсѣмъ не знаютъ грамоты, и не знаютъ другого веселья, кромѣ пьянства. Одни все знаютъ и ни во что не вѣрятъ; другіе ничего не знаютъ и вѣрятъ во всякій вздоръ, который имъ скажутъ. Одни, когда заболѣваютъ, то, не говоря о всѣхъ возможныхъ водахъ, всякомъ уходѣ и всякой чистотѣ и лѣкарствахъ, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая самый лучшій цѣлебный воздухъ; другіе ложатся въ курной избѣ на печку и съ непромытыми ранами, отсутствіемъ всякой пищи, кромѣ сухого хлѣба, и — воздуха,

кромѣ зараженнаго десятью членами семейства, телятами и овцами, гніютъ заживо и преждевременно умираютъ.

Неужели это такъ надо?

Если есть высшій разумъ и любовь, руководящіе міромъ, если есть Богъ, то не могъ Онъ хотѣть, чтобы было такое раздѣленіе между людьми, чтобы одни не знали, что̀ дѣлать съ избыткомъ своихъ богатствъ, и швыряли бы безъ толку плодъ трудовъ другихъ людей; другіе бы чахли и преждевременно умирали, или жили бы мучительной жизнью въ непосильной работѣ.

Если есть Богъ, то это не можетъ и не должно быть. Если же нѣтъ Бога, то съ самой простой человѣческой точки зрѣнія такое устройство жизни, при которомъ большинство людей должно губить свои жизни для того, чтобы малое число людей пользовалось избыткомъ, который только затрудняетъ и развращаетъ это меньшинство, — такое устройство жизни нелѣпо, потому что для всѣхъ невыгодно.

III.

Такъ зачѣмъ же люди живутъ такъ?

Понятно, что богатые люди, привыкшіе къ своему богатству и не видящіе ясно того, что богатство не даетъ счастья, стараются удержать свое положеніе. Но зачѣмъ то огромное большинство, въ рукахъ котораго всякая власть, зачѣмъ это большинство, полагая счастье въ богатствѣ, живетъ въ нуждѣ и подчиняется меньшинству?

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ всѣ тѣ сильные мускулами и мастерствомъ и привычкой къ труду люди, — огромное большинство людей, подчиняются, покоряются горсти слабыхъ людей, большей частью

ни на что̀ неспособныхъ, изнѣженныхъ стариковъ и, главное, женщинъ?

Пройдите передъ праздниками или во время дешевыхъ товаровъ по торговымъ заведеніямъ, хотя бы по пассажамъ Москвы. Десять или двѣнадцать пассажей, состоящихъ изъ сплошныхъ, великолѣпныхъ магазиновъ съ огромными цѣльными стеклами, всѣ наполнены разнообразными дорогими вещами, — исключительно женскими: матеріи, платья, кружева, драгоцѣнные камни, обувь, комнатныя украшенія, мѣха и пр. и пр. Всѣ эти вещи сто̀ятъ милліоны и милліоны, всѣ эти вещи дѣлались на заводахъ часто губящими свои жизни надъ этими работами рабочими, и всѣ эти вещи ни на что̀ не нужны не только рабочимъ, но даже и богатымъ мужчинамъ, все это забавы и украшенія женщинъ. У подъѣздовъ съ обѣихъ сторонъ стоятъ швейцары въ галунахъ и кучера въ дорогихъ одеждахъ, сидя на козлахъ дорогихъ экипажей, запряженныхъ тысячными рысаками. Опять милліоны рабочихъ дней потрачены на производство всей этой роскоши запряжекъ: старые, молодые рабочіе, мужчины, женщины посвящали цѣлыя жизни на производство всѣхъ этихъ предметовъ. И всѣ эти предметы во власти и въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ женщинъ, въ по послѣдней модѣ дорогихъ шубкахъ и шляпахъ шныряющихъ по этимъ магазинамъ и покупающихъ всѣ эти приготовленные только для нихъ предметы.

Нѣсколько сотенъ женщинъ распоряжаются по своему произволу трудомъ милліоновъ людей тружениковъ, работающихъ для прокормленія себя и своихъ семей. Отъ произвола этихъ женщинъ зависитъ судьба, жизнь милліоновъ людей.

Какъ это случилось?

Для чего всѣ эти милліоны сильныхъ людей, которые работали эти предметы, подчиняются этимъ женщинамъ?

Вотъ подъѣзжаетъ на парѣ рысаковъ барыня въ бархатной шубѣ и шляпѣ по самой послѣдней модѣ. Все на ней новое и самое дорогое. Швейцаръ бросается отстегивать полость ея саней и почтительно подъ локотокъ высаживаетъ ее. Она идетъ по пассажу, какъ по своему царству, заходитъ въ одинъ магазинъ и покупаетъ на 5000 рублей матеріи на гостиную и, приказывая доставить это себѣ на домъ, идетъ дальше. Женщина эта злая, глупая и даже не красивая, и не рожающая дѣтей, и ничего въ своей жизни для другихъ не сдѣлавшая. Почему же такъ раболѣпно увиваются передъ ней и швейцаръ, и кучеръ, и приказчики? И почему все то, надъ чѣмъ трудились тысячи рабочихъ, сдѣлалось ея собственностью? Потому что у нея деньги. А и швейцару, и кучеру, и приказчику, и рабочимъ на фабрикѣ необходимы эти деньги, чтобы кормить семьи. Деньги же эти имъ удобнѣе всего, а иногда только и возможно пріобрѣсти тѣмъ, чтобы служить кучеромъ, швейцаромъ, приказчикомъ, рабочимъ на фабрикѣ.

А почему деньги у этой женщины? Деньги у этой женщины потому, что люди, согнанные съ земли и отученные отъ всякой другой работы, кромѣ машиннаго тканья матерій на фабрикахъ, живутъ на фабрикѣ ея мужа, мужъ же ея, давая рабочимъ только то, что имъ необходимо для прокормленія, всѣ барыши съ фабрики, нѣсколько сотъ тысячъ, беретъ себѣ и, не зная, куда употребить ихъ, охотно отдаетъ женѣ, чтобы она, на что ей вздумается, тратила ихъ.

А вотъ другая барыня, въ еще болѣе роскошномъ экипажѣ и одеждѣ, покупаетъ разныя дорогія и ненужныя вещи въ разныхъ магазинахъ. Откуда у этой деньги? Эта — содержанка богача землевладѣльца 20,000 десятинъ, пожалованныхъ его предку распутной царицей за развратъ его съ этой старухой-царицей. Землевладѣлецъ этотъ вла-

дѣетъ всей землей вокругъ поселенныхъ въ ней крестьянъ и отдаетъ эту землю крестьянамъ по 17 рублей за десятину. Крестьяне платятъ эти деньги потому, что безъ земли они померли бы съ голоду. И эти деньги теперь въ рукахъ содержанки, и на эти-то деньги она покупаетъ вещи, сдѣланныя другими, согнанными съ земли крестьянами.

А вотъ еще съ женихомъ и матерью ходитъ по пассажу третья богатая женщина. Женщина эта выходитъ замужъ и покупаетъ бронзы и дорогую посуду. У этой деньги отъ отца, важнаго чиновника, получающаго 12 тысячъ жалованья. Онъ далъ дочери на приданое 7 тысячъ. Деньги эти собраны съ внутреннихъ и внѣшнихъ податей, съ крестьянъ же. Эти самыя подати заставили и швейцара, который отворяетъ двери (онъ калужскій мужикъ: у него остались дома жена и дѣти), и кучера-извозчика, который подвезъ ихъ (этотъ — тульскій мужикъ), и сотни, и тысячи, и милліоны людей, работающихъ въ прислугахъ и на фабрикахъ, — побросать дома и работать работу, потребляемую барынями, получившими деньги, собранныя ими съ барышей на фабрикахъ, или съ земли, или съ податей: фабрикантами, землевладѣльцами, чиновниками.

Такъ что подчинились милліоны рабочихъ этимъ женщинамъ потому, что одинъ человѣкъ завладѣлъ фабрикой, на которой работаютъ люди, другой завладѣлъ землей, а третій — тѣми податями, которыя собираются съ рабочихъ. Отъ этого произошло и то, что̀ я видѣлъ около чугуннаго завода.

Мужики пахали чужое поле потому, что у нихъ нѣтъ достаточно своей земли, а тотъ, кто владѣетъ землею, позволяетъ имъ пользоваться его землею только съ тѣмъ, чтобы они на него работали. Каменобойцы били камень потому, что только этой работой они могли заплатить требуемыя съ нихъ подати. На заводѣ и въ шахтахъ работали люди потому, что и земля, изъ которой вынимаютъ чу-

гунъ, и заводъ, на которомъ его льютъ, принадлежатъ не имъ.

Всѣ эти рабочіе работаютъ тяжелую, не свою работу потому, что богатые люди захватили землю, собираютъ подати и владѣютъ заводами.

IV.

Почему же владѣетъ землей не тотъ, который на ней работаетъ, а тотъ, кто не работаетъ? Почему малое число людей пользуется податями, собираемыми со всѣхъ, а не тѣ, которые платятъ ихъ? Почему владѣютъ заводами не тѣ, которые построили ихъ и работаютъ на нихъ, а малое число людей, которые не строили ихъ и не работаютъ на нихъ?

На вопросъ: отчего люди не работающіе захватили земли работающихъ? — обычный отвѣтъ тотъ, что это отъ того, что земля пожалована имъ за заслуги или куплена на заработанныя деньги. На вопросъ о томъ, почему одни люди, малое число людей, не работающіе правители и ихъ помощники собираютъ бо̀льшую долю богатствъ всѣхъ рабочихъ людей и по своему произволу пользуются ими? — обычный отвѣтъ тотъ, что люди, пользующіеся деньгами, собираемыми съ народа, управляютъ другими и защищаютъ ихъ и соблюдаютъ между ними порядокъ и благоустройство. На вопросъ же, отчего люди не работающіе, богатые, владѣютъ произведеніями и орудіями труда рабочихъ? — отвѣтъ тотъ, что эти произведенія и орудія труда заработаны ими или ихъ предками.

И всѣ эти люди — какъ землевладѣльцы, такъ и служащіе правительству, и торговцы, и фабриканты, искренно увѣрены въ томъ, что владѣніе ихъ совершенно справедливо, — что они имѣютъ право на такое владѣніе.

А между тѣмъ, ни владѣніе землею, ни собираніе податей и пользованіе ими, ни обладаніе произведеніями и орудіями труда людьми не работающими не имѣетъ никакого оправданія. Владѣніе землею не работающими на ней не имѣетъ оправданія потому, что земля, какъ вода, воздухъ, солнечные лучи, — составляетъ необходимое условіе жизни каждаго человѣка и потому не можетъ быть исключительной собственностью одного. Если земля, а не вода, воздухъ и лучи солнца, сдѣлалась предметомъ собственности, то произошло это не отъ того, что земля не есть такое же необходимое и потому не могущее быть присвоеннымъ условіе существованія всякаго человѣка, но только потому, что лишить другихъ людей воды, воздуха и солнца нельзя было, лишить же пользованія землею было возможно.

Земельная собственность какъ возникла изъ насилія, (завоеваніемъ присвоивали себѣ землю и потомъ раздавали и продавали ее), такъ и осталась, несмотря на всѣ попытки обратить ее въ право, только насиліемъ сильнаго и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ.

Нарушь человѣкъ, работающій на землѣ, это воображаемое *право*, начни пахать землю, считающуюся собственностью другого, и тотчасъ же явится то, на чемъ основано это мнимое право, — сначала въ видѣ полицейскихъ, а потомъ и военной силы — солдатъ, которые будутъ колоть, стрѣлять въ тѣхъ, которые захотятъ воспользоваться своимъ дѣйствительнымъ правомъ кормиться работой на землѣ. Такъ что то, что̀ называется правомъ на собственность земли, есть только насиліе надъ всѣми тѣми людьми, которые могутъ нуждаться въ этой землѣ. Право на землю подобно праву на дорогу, которую захватили разбойники и по которой не пропускаютъ людей безъ выкупа.

Еще менѣе можетъ найти себѣ подобіе оправданія право правительства на насильственное взиманіе

податей. Утверждается, что подати употребляются на защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ, на установленіе и поддержаніе внутренняго порядка и на устройство всѣмъ нужныхъ общественныхъ дѣлъ.

Но, во-первыхъ, внѣшнихъ враговъ уже давнымъ давно нѣтъ, даже по заявленіямъ самихъ правительствъ: всѣ они увѣряютъ свои народы, что они желаютъ только мира. Германскій императоръ желаетъ мира, Французская республика желаетъ мира, Англія желаетъ мира, и того же желаетъ Россія. Тѣмъ болѣе того же желаютъ трансвальцы и китайцы. Такъ отъ кого же надо защищаться?

Во-вторыхъ, для того, чтобы отдавать деньги для устройства внутренняго порядка и общественныхъ дѣлъ, нужно быть увѣреннымъ, что люди, устраивающіе порядокъ, устроятъ его и, кромѣ того, — что порядокъ этотъ будетъ хорошъ, и что устраиваемыя общественныя дѣла дѣйствительно нужны обществу. Если же, какъ это всегда и вездѣ повторяется, тѣ, кто платятъ подати, не увѣрены въ дѣловитости и даже честности тѣхъ, которые устраиваютъ порядокъ, и, кромѣ того, самый порядокъ этотъ считаютъ дурнымъ, и устраиваемыя общественныя дѣла совсѣмъ не такія, какія нужны плательщикамъ податей, то очевидно, что нѣтъ никакого права собиранія податей, а есть только насиліе.

Помню мудрое слово русскаго мужика, религіознаго и потому истинно свободомыслящаго. Онъ такъ же, какъ Торо, считалъ справедливымъ не давать подати на дѣла, не одобряемыя его совѣстью, и когда къ нему пришли съ требованіемъ уплаты его доли податей, онъ спросилъ, — на что̀ пойдутъ подати, которыя онъ дастъ, говоря: если подати пойдутъ на доброе дѣло, то я сейчасъ же дамъ не только то, что̀ вы требуете, но и больше; если же подати пойдутъ на дурное, то я не могу дать и не дамъ добровольно ни копѣйки.

Разумѣется, съ нимъ не стали разговаривать, а сломали запертыя имъ ворота, увели корову и продали на подати. Такъ что въ сущности истинная, настоящая причина податей есть только одна: власть, которая собираетъ ихъ, — возможность ограбить тѣхъ, которые не даютъ охотно, и даже за отказъ избить, заточить въ тюрьму, наказать, какъ это и дѣлаютъ.

То, что въ Англіи, Франціи, Америкѣ и вообще въ конституціонныхъ государствахъ подати опредѣляются парламентомъ, т. е. мнимо собранными представителями народа, не измѣняетъ дѣла, такъ какъ выборы такъ устроены, что члены парламента не представляютъ народа, а принадлежатъ къ политиканамъ, а если не принадлежали, то становятся ими, какъ скоро попадутъ въ парламентъ, занятыми личными честолюбіями и интересами враждующихъ партій.

Такъ же мало доказательны оправданія мнимаго права собственности не работающихъ на произведенія труда другихъ людей.

Это право собственности, называемое даже священнымъ правомъ, оправдывается обыкновенно тѣмъ, что собственность есть результатъ воздержанности и трудолюбивой дѣятельности, полезной людямъ. А между тѣмъ стоитъ только разсмотрѣть происхожденіе всѣхъ большихъ состояній, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Возникаютъ состоянія всегда или изъ насилія — это самое обыкновенное — или изъ скаредности, или изъ крупнаго мошенничества, или изъ хроническаго обмана, какъ тѣ, которые производятся торговцами. Чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ лишается того состоянія, которое имѣетъ, и чѣмъ безнравственнѣе, тѣмъ вѣрнѣе наживаетъ и удерживаетъ состояніе. Народная мудрость говоритъ, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ, — что отъ труда будешь не богатъ, а

горбатъ. И такъ оно было и въ старину, и тѣмъ болѣе теперь, когда распредѣленіе богатствъ уже давно совершилось самымъ неправильнымъ образомъ. Если и можно допустить, что въ первобытномъ обществѣ человѣкъ болѣе воздержанный и трудолюбивый пріобрѣтетъ больше невоздержаннаго и мало работающаго, то въ нашемъ обществѣ ничего подобнаго быть не можетъ. Какъ бы воздержанъ и трудолюбивъ ни былъ рабочій, работающій на чужой землѣ, покупающій по цѣнѣ, которую ему назначатъ, необходимые предметы и работающій чужими орудіями труда, онъ никогда не пріобрѣтетъ богатства. Человѣкъ же самый невоздержанный и праздный, какъ мы это видимъ на тысячахъ людей, который пристроится къ правительству, къ богатымъ людямъ, который займется ростовщичествомъ, фабричной дѣятельностью, домомъ терпимости, банкомъ, торговлей виномъ, легко наживетъ состояніе.

Законы, будто бы ограждающіе собственность, суть законы, ограждающіе только ограбленную собственность, которая уже находится въ рукахъ богатыхъ, и не только не ограждаютъ рабочихъ, не имѣющихъ уже никакой собственности, кромѣ своего труда, но только содѣйствуютъ ограбленію этого ихъ труда.

Мы видимъ безчисленное количество администраторовъ: царя, его братьевъ, дядей, министровъ, судей, духовныхъ лицъ, которые получаютъ огромныя содержанія, собранныя съ народа, и не исполняютъ тѣхъ легкихъ даже обязанностей, которыя они взялись исполнять за это вознагражденіе. И потому, казалось бы, эти люди крадутъ собираемое съ народа содержаніе, т. е. собственность народа, но никому и въ голову не приходитъ судить ихъ.

Если же рабочій воспользуется частью денегъ, получаемыхъ этими людьми, или предметами, купленными на эти деньги, то считается, что онъ

нарушилъ священную собственность, и его за эти гроши, которыми онъ воспользовался, судятъ, сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ.

Фабрикантъ-милліонеръ обязуется выдать рабочему плату за трудъ, представляющую для него, фабриканта, одну десятимилліонную его состоянія, т. е. почти ничто; рабочій же обязуется, вслѣдствіе нужды, выставить въ продолженіе года ежедневную, кромѣ праздниковъ, 12-ти часовую, опасную, вредную для своего здоровья работу, т. е. обязуется отдать фабриканту бо́льшую часть своей жизни, можетъ быть и всю жизнь; и правительство одинаково ограждаетъ какъ ту, такъ и другую собственность.

Фабрикантъ же при этомъ завѣдомо изъ года въ годъ крадетъ у рабочаго бо́льшую долю его заработка и присвоиваетъ себѣ. Казалось бы очевидно, что фабрикантъ похищаетъ бо́льшую половину собственности рабочаго и потому долженъ бы подлежать отвѣтственности; но правительство считаетъ нажитую такимъ способомъ собственность фабриканта — священною и казнитъ рабочаго, унесшаго подъ полой два фунта мѣди, составляющихъ одну милліардную часть собственности фабриканта.

Попробуй рабочій, какъ это прорывается при еврейскихъ погромахъ, отобрать отъ богачей хоть часть того, что́ отнято у него по законамъ, попробуй хоть бы голодный, какъ недавно въ Миланѣ, взять тотъ хлѣбъ, который, пользуясь голодомъ, продаютъ рабочимъ по высокимъ цѣнамъ богачи, или попробуй рабочій отобрать посредствомъ стачки хоть часть того, что́ взято у него, — онъ нарушаетъ священное право собственности, и правительство со своимъ войскомъ сейчасъ приходитъ на помощь землевладѣльцу, фабриканту, торговцу противъ рабочаго. Такъ что то право, на которомъ богатые люди основываютъ свое владѣніе землею, взиманія податей и обладанія произведеніями труда другихъ людей, не имѣетъ ничего общаго съ справедливо-

стью и, какъ то, такъ и другое, и третье основано только на насиліи, производимомъ войскомъ.

V.

Задумаетъ ли рабочій пахать землю, которая ему нужна для пропитанія, попытается ли онъ уклониться отъ уплаты податей — прямыхъ или косвенныхъ, или попытается взять запасы хлѣба, имъ же произведенные, или орудія труда, безъ которыхъ онъ не можетъ работать, — явится войско и силою воспрепятствуетъ ему въ этомъ.

Такъ что отчужденіе земли, взиманіе податей, власть капиталистовъ составляетъ не основную причину бѣдственнаго положенія рабочихъ, а только слѣдствіе. Основная же причина того, что милліоны рабочихъ людей живутъ и работаютъ по волѣ меньшинства, — не въ томъ, что меньшинство это захватило землю, орудія производства и беретъ подати, а въ томъ, что оно *можетъ* это дѣлать, — что есть насиліе, есть войско, которое находится въ рукахъ меньшинства, и готовое убивать тѣхъ, которые не хотятъ исполнять волю этого меньшинства.

Когда крестьяне хотятъ завладѣть землей, которая считается собственностью не работающаго человѣка, или когда человѣкъ хочетъ не заплатить подати, или когда стачечники хотятъ помѣшать другимъ рабочимъ стать на ихъ мѣсто, — являются тѣ самые крестьяне, у которыхъ отнята земля — плательщики податей и рабочіе, только въ мундирахъ и съ ружьями, заставляющіе своихъ братьевъ — не въ мундирахъ — сойти съ земли, отдать подати и прекратить стачку.

Когда въ первый разъ поймешь это, то не вѣришь себѣ, такъ это странно.

Рабочіе хотятъ освободиться, и самй же рабочіе

заставляютъ себя покориться и оставаться въ рабствѣ.

Зачѣмъ же они дѣлаютъ это?

А затѣмъ, что рабочіе, взятые или нанятые въ солдаты, подвергаются искусному процессу одуренія и развращенія, послѣ котораго они уже не могутъ не повиноваться слѣпо начальникамъ, что̀ бы ихъ ни заставили дѣлать.

Дѣлается это вотъ какъ: родится мальчикъ въ деревнѣ или городѣ. Во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, какъ только мальчикъ достигнетъ того возраста, когда сила, ловкость и гибкость доходятъ до высшей степени, душевныя же силы находятся въ самомъ смутномъ, неопредѣленномъ состояніи (около 20 лѣтъ), такъ мальчика берутъ въ солдаты, осматриваютъ, какъ рабочую скотину, и если онъ физически исправенъ и силенъ, его зачисляютъ, смотря по годности, въ какую-нибудь часть войска и заставляютъ торжественно присягать въ томъ, что онъ будетъ рабски повиноваться своимъ начальникамъ, потомъ удаляютъ отъ всѣхъ прежнихъ условій, поятъ водкой или пивомъ, наряжаютъ въ пеструю одежду и вмѣстѣ съ такими же другими ребятами запираютъ въ казармы, гдѣ онъ въ полной праздности (т. е. не дѣлая никакой полезной, разумной работы) обучается самымъ нелѣпымъ солдатскимъ правиламъ и названіямъ вещей, и употребленію орудій убійства: сабли, штыка, ружья, пушки, главное же, обучается не только безпрекословному, но механически-рефлекторному повиновенію приставленнымъ къ нему начальникамъ. Такъ это происходитъ въ государствахъ, гдѣ есть военная повинность; гдѣ же ея нѣтъ, приставленные къ этому люди отыскиваютъ вездѣ заболтавшихся, не желающихъ или не умѣющихъ жить честнымъ трудомъ, большей частью развращенныхъ, но сильныхъ людей, подпаиваютъ, подкупаютъ ихъ и забираютъ въ солдаты, и такъ же запираютъ въ

казармы и подвергаютъ той же муштровкѣ. Главная задача начальниковъ въ томъ, чтобы довести этихъ людей до состоянія той лягушки, которая при прикосновеніи къ ней неудержимо дрыгаетъ ножкой. Хорошій солдатъ — тотъ, который такъ же, какъ и эта лягушка, на извѣстные крики начальника безсознательно отвѣчаетъ требуемымъ движеніемъ. Достигается это тѣмъ, что несчастныхъ людей этихъ, одѣтыхъ въ одинакія пестрыя одежды, въ продолженіе недѣль, мѣсяцевъ, годовъ заставляютъ — при звукахъ барабана и музыки — ходить, вертѣться, прыгать и дѣлать все вмѣстѣ, въ разъ — по командѣ. За всякое же ослушаніе наказываютъ самыми жестокими наказаніями, даже смертью. При этомъ пьянство, развратъ, праздность, сквернословіе, убійство не только не воспрещаются, но учреждаются: солдатъ поятъ водкой, устраиваютъ для нихъ дома терпимости, учатъ пахабнымъ пѣснямъ и обучаютъ убійству. (Убійство до такой степени въ этомъ кругѣ людей считается хорошимъ и похвальнымъ дѣломъ, что отъ офицеровъ-начальниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ требуютъ убійства друга, называемаго дуэлью.) И вотъ смирный, кроткій малый, пробывъ въ такой школѣ около года (раньше этого солдатъ бываетъ еще не готовъ, т. е. въ немъ остаются еще человѣческія свойства), дѣлается тѣмъ, что̀ изъ него желаютъ сдѣлать, — безсмысленнымъ и жестокимъ, могущественнымъ и ужаснымъ орудіемъ насилія въ рукахъ своихъ начальниковъ.

Всякій разъ, когда зимою я въ Москвѣ прохожу мимо дворца и вижу у будки молодого малаго — часового, который, въ своемъ тяжеломъ тулупѣ, стоитъ или ходитъ, шлепая огромными калошами по тротуару, поддерживая на плечѣ послѣдняго образца ружье съ отточеннымъ штыкомъ, я всегда взглядываю ему въ глаза, и всякій разъ онъ отворачивается отъ моего взгляда, и всякій разъ мнѣ думается: вѣдь, вотъ — годъ или два тому назадъ

это былъ веселый деревенскій парень — естественный, добродушный, который весело заговорилъ бы со мной хорошимъ русскимъ языкомъ, разсказалъ бы мнѣ, съ сознаніемъ своего крестьянскаго достоинства, всю свою исторію; теперь же онъ злобно и мрачно смотритъ на меня и на всѣ вопросы умѣетъ отвѣчать только: „такъ точно-съ“ и „не могу знать“. Если бы я, что̀ мнѣ всегда хочется сдѣлать, пошелъ бы въ ту дверь, у которой онъ стоитъ, или схватилъ бы рукой за его ружье, онъ, ни минуты не задумываясь, проткнулъ бы мнѣ штыкомъ животъ, выдернулъ бы штыкъ изъ раны, обтеръ его и продолжалъ бы ходить, шлепая калошами по асфальту, пока пришелъ бы со смѣной ефрейторъ, на ухо передавая ему пароль и лозунгъ. И вѣдь такой не одинъ, думается мнѣ. Такихъ обращенныхъ въ машины, вооруженныхъ ружьями ребятъ, почти дѣтей — тысячи въ одной Москвѣ. Ихъ милліоны по всей Россіи и по всему свѣту. Взяли этихъ несмысленныхъ, но сильныхъ, ловкихъ ребятъ, развратили, подкупили ихъ и, благодаря имъ, властвуютъ надъ міромъ. Вѣдь это ужасно. Ужасно то, что дурные, праздные люди, благодаря этимъ обманутымъ людямъ, обладаютъ всѣми этими дворцами и преступно пріобрѣтеннымъ богатствомъ, т. е. трудомъ всего народа. Но ужаснѣе всего тутъ то, что для того, чтобы сдѣлать это, имъ надо было озвѣрить этихъ простыхъ, добрыхъ ребятъ, и они отчасти достигли этого.

Пускай бы тѣ, кто владѣютъ богатствами, сами бы защищали ихъ. Это не было бы такъ отвратительно. Но ужасно то, что для того, чтобы грабить людей и защищать ограбленное, они употребляютъ тѣхъ самыхъ, кого грабятъ, и для этого развращаютъ ихъ души.

Такъ что насилуютъ солдаты изъ рабочихъ своего же брата рабочаго потому, что существуетъ средство сдѣлать изъ людей безсознательное орудіе убій-

ства, и правительства, забирая наборами или наймомъ солдатъ, употребляютъ надъ ними это средство.

VI.

Но если это такъ, то невольно является вопросъ: зачѣмъ же люди идутъ въ солдаты? Зачѣмъ отцы ихъ отпускаютъ ихъ?

Они могли идти въ солдаты и подвергаться дисциплинѣ до тѣхъ поръ, пока не видали послѣдствій этого. Но, разъ увидавъ, что происходитъ отъ этого, зачѣмъ они продолжаютъ подвергаться этому обману?

Происходитъ это отъ того, что они считаютъ военную службу не только дѣломъ полезнымъ, но несомнѣнно почтеннымъ и добрымъ. А считаютъ они, что военная служба дѣло почтенное и доброе потому, что такъ это внушено имъ тѣмъ ученіемъ, которому они подвергаются съ дѣтскихъ лѣтъ и въ которомъ усиленно поддерживаются въ взрослом возрастѣ.

И потому существованіе войска есть тоже не основная причина, а только слѣдствіе. Основная же причина — въ томъ ученіи, которое внушаетъ людямъ, что военная служба, имѣющая цѣлью убійство людей, есть дѣло не только безгрѣшное, но хорошее, доблестное и похвальное. Такъ что причина бѣдственнаго положенія людей лежитъ еще дальше, чѣмъ это кажется сначала.

Сначала кажется, что все дѣло въ томъ, что землевладѣльцы захватили землю, капиталисты — орудія труда, а правительство насильно беретъ подати; но когда спросишь себя: почему земля принадлежитъ богатымъ, а рабочіе не могутъ пользоваться ею, и почему рабочіе должны отдавать подати, не пользуясь ими, и почему не рабочіе, а

капиталисты владѣютъ орудіями производства? — то видишь, что это отъ того, что есть войско, которое удерживаетъ землю за богатыми, собираетъ подати съ рабочихъ для богатыхъ и удерживаетъ за богатыми ихъ фабрики и дорогія машины. Когда же спросишь себя, какимъ образомъ составляющіе войско тѣ самые рабочіе, у которыхъ отнимаютъ то, что̀ имъ нужно, — нападаютъ на самихъ себя, на своихъ отцовъ и братьевъ, то видишь, что причина этого въ томъ, что взятыхъ по набору или вольному найму солдатъ, посредствомъ предназначенныхъ для этого особыхъ пріемовъ, такъ обучаютъ, что они лишаются всего человѣческаго и превращаются въ безсознательныя, покорныя своимъ начальникамъ орудія убійства. Когда же, наконецъ, спросишь себя, почему же люди, видя такой обманъ, продолжаютъ поступать въ солдаты или давать подати на наемъ ихъ, то видишь, что причина этого въ томъ ученіи, которое внушается не только людямъ, которыхъ берутъ въ солдаты, но всѣмъ людямъ вообще, — ученіи, по которому военная служба есть дѣло доброе и похвальное, и убійство на войнѣ есть дѣло безгрѣшное.

Такъ что основая причина всего — есть ученіе, которое внушается людямъ.

Отъ этого и нищета, и развратъ, и ненависть, и казни, и убійства.

Какое же это ученіе?

Ученіе это называется христіанскимъ и состоитъ въ слѣдующемъ: есть Богъ, 6000 лѣтъ тому назадъ сотворившій міръ и человѣка Адама. Адамъ согрѣшилъ, и Богъ наказалъ за это всѣхъ людей, а потомъ послалъ своего сына, тоже такого же Бога, какъ и Отецъ, на землю съ тѣмъ, чтобы его тамъ повѣсили! Это самое повѣшеніе и служитъ для людей средствомъ избавленія отъ ихъ наказанія за грѣхъ Адама.

Если люди вѣрятъ въ это, то они будутъ про-

щены за грѣхъ Адама, если же не вѣрятъ, то будутъ жестоко наказаны. Доказательствомъ же того, что все это — правда, служитъ то, что все это открыто людямъ тѣмъ самымъ Богомъ, свѣдѣнія о существованіи котораго получены отъ тѣхъ самыхъ людей, которые все это проповѣдываютъ. Не говоря о разныхъ, смотря по различнымъ исповѣданіямъ, измѣненіяхъ къ этому основному ученію, — общій, практическій выводъ изъ него во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ одинъ и тотъ же, а именно тотъ, что люди должны вѣрить и тому, что имъ проповѣдуется, и повиноваться существующимъ властямъ.

Это-то ученіе и составляетъ основную причину того обмана, по которому люди, считая военную службу полезнымъ и добрымъ дѣломъ, поступаютъ въ солдаты и, обращаясь въ безвольныя машины, угнетаютъ самихъ себя. Если и есть среди обманутыхъ людей невѣрующіе, то эти невѣрующіе не вѣруютъ и ни во что другое и, вслѣдствіе этого, не имѣя точки опоры, подчиняются общему теченію и такъ же, какъ и вѣрующіе, несмотря на то, что видятъ обманъ, подчиняются ему.

И потому для уничтоженія того зла, отъ котораго страдаютъ люди, нужно не освобожденіе земли, не уничтоженіе податей, и не обобществленіе орудій производства, и даже не сверженіе существующаго правительства, а нужно уничтоженіе того ложнаго ученія, называемаго „христіанскимъ“, въ которомъ воспитываются люди нашего времени.

VII.

Сначала кажется страннымъ людямъ, знающимъ евангеліе, какимъ образомъ христіанство, проповѣдующее сыновность Богу, духовную свободу, братство людей, уничтоженіе всякаго насилія и любовь

къ врагамъ, могло выродиться въ это странное, называемое людьми „христіанскимъ“ ученіе, проповѣдующее слѣпое повиновеніе властямъ и тогда, когда власти требуютъ этого, — и убійство. Но когда вдумаешься въ тотъ процессъ, которымъ христіанство входило и вошло въ міръ, — то видишь, что это такъ и должно было быть.

Когда языческіе властители Константинъ, Карлъ Великій, Владиміръ принимали окутанное въ языческія формы христіанство и крестили въ него свои народы, — имъ и въ голову не приходило, что принимаемое ими ученіе расторгало и царскую власть, и войско, и самое государство, т. е. все то, безъ чего не могли себѣ представить жизни всѣ тѣ, которые первые приняли и вводили христіанство. Разрушительная сила христіанства была въ первое время не только не замѣтна людямъ, но имъ казалось, что христіанство поддерживало ихъ власть. Но чѣмъ дальше жили христіанскіе народы, тѣмъ больше и больше выяснялась сущность христіанства, и тѣмъ очевиднѣе становилась заключающаяся въ христіанствѣ для языческаго строя опасность. А чѣмъ очевиднѣе становилась эта опасность, тѣмъ заботливѣе старались правящіе классы о томъ, чтобы заглушить, а если возможно, и затушить тотъ огонь, который они безсознательно внесли въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Они употребляли для этого всевозможныя средства: и запрещеніе перевода и чтенія евангелій, и избіенія всѣхъ тѣхъ, кто указывалъ на истинный смыслъ христіанскаго ученія, и гипнотизацію массъ — торжественностью и блескомъ обстановки, и, главное, хитросплетенныя, утонченныя толкованія христіанскихъ положеній. По мѣрѣ же употребленія этихъ средствъ, христіанство все болѣе и болѣе измѣнялось и, наконецъ, сдѣлалось такимъ ученіемъ, которое не только не носило въ себѣ опасныхъ для языческаго строя началъ, но оправдывало этотъ

языческій строй съ мнимо христіанской точки зрѣнія. Явились и христіанскіе владыки, и христолюбивое воинство, и христіанское богатство, и христіанскіе суды, и христіанскія казни.

Правящіе классы сдѣлали по отношенію христіанства то самое, что̀ врачи дѣлаютъ по отношенію заразныхъ болѣзней. Они выработали такую культуру безвреднаго христіанства, что при прививкѣ его настоящее христіанство уже становится безопаснымъ. Это церковное христіанство — таково, что оно, неизбѣжно, или отталкиваетъ разумныхъ людей, представляясь имъ ужасающей нелѣпостью, или же, усвоиваясь людьми, до такой степени удаляетъ ихъ отъ истиннаго христіанства, что они сквозь него уже не видятъ истиннаго значенія его и даже съ враждебностью и озлобленіемъ относятся къ этому его истинному значенію.

Вотъ это-то выработавшееся вѣками, по чувству самосохраненія, среди властвующихъ классовъ, прививаемое народу обезвреженное ложное христіанство и составляетъ то ученіе, вслѣдствіе котораго люди покорно совершаютъ не только вредные для себя и своихъ близкихъ поступки, но и прямо безнравственные и несогласные съ требованіями совѣсти, изъ которыхъ самымъ важнымъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ есть поступленіе въ военную службу, т. е. готовность къ убійству.

Вредъ этого обезвреженнаго ложнаго христіанства состоитъ, преимущественно, въ томъ, что оно ничего не предписываетъ, ничего не возбраняетъ. Всѣ древнія ученія — какъ законъ Моисея и законъ Ману — даютъ правила, требующія или воспрещающія извѣстные поступки; таковы же и буддійская, и магометанская религіи; церковная же вѣра не даетъ никакихъ правилъ, кромѣ словеснаго исповѣданія, признанія догматовъ, постовъ, говѣнія, молитвъ (и на тѣ даже придуманы для богатыхъ людей обходы), а только лжетъ и все разрѣшаетъ, даже и

то, что противно самымъ низменнымъ требованіямъ нравственности. По этой церковной вѣрѣ все можно. Владѣть рабами — можно (и въ Европѣ, и въ Америкѣ церковь была защитницей рабовладѣнія). Наживать имущество, добываемое трудомъ угнетаемыхъ братьевъ, можно. Быть богатымъ среди Лазарей, ползающихъ подъ столами пирующихъ, — не только можно, но хорошо и похвально, если жертвовать при этомъ одну тысячную на церкви или больницы. Удерживать отъ нуждающихся свои богатства силою, заточать въ одиночныя тюрьмы, заковывать въ цѣпи, приковывать къ тачкамъ, казнить, — все это церковь благословляетъ. Распутничать всю молодую жизнь, а потомъ одно изъ такихъ распутствъ назвать бракомъ и получить на это разрѣшеніе церкви — можно. Можно развестись и опять жениться. Можно, главное, убивать, защищая не только себя, но и свои яблоки, можно убивать и въ наказаніе (наказаніе значитъ поученіе — убивать въ поученіе!) и, главное, можно и должно и похвально убивать на войнѣ — по приказанію начальства; церковь не только разрѣшаетъ, но повелѣваетъ это.

Такъ что корень всего — въ ложномъ ученіи.

Уничтожься ложное ученіе — и не будетъ войска; а не будетъ войска, и сами собой уничтожатся тѣ насилія, то угнетеніе и то развращеніе, которыя совершаются надъ народами. До тѣхъ же поръ, пока люди будутъ воспитываться въ ложно-христіанскомъ ученіи, все, до убійства включительно, разрѣшающемъ, — войско будетъ въ рукахъ меньшинства; меньшинство же это всегда будетъ пользоваться этимъ войскомъ для отбиранія отъ народа произведеній его труда и, что хуже всего, для развращенія народа, потому что безъ развращенія народа оно не могло бы отнимать отъ него произведеній его труда.

VIII.

Корень всѣхъ бѣдствій народа — въ томъ ложномъ ученіи, которое подъ видомъ христіанскаго преподается ему.

И потому, казалось бы, очевидно, что обязанность всякаго человѣка, освободившагося отъ религіознаго обмана и желающаго служить народу, состоитъ въ томъ, чтобы словомъ и дѣломъ помогать обманутымъ людямъ освобождаться отъ того обмана, который составляетъ причину ихъ бѣдственнаго положенія. Казалось бы, что, кромѣ общей обязанности каждаго нравственнаго человѣка обличать ложь и исповѣдывать ту истину, которую онъ знаетъ, всякій желающій служить народу человѣкъ не можетъ изъ состраданія не желать избавить своихъ братьевъ отъ причиняющаго имъ всякія бѣдствія обмана, въ которомъ они находятся. А между тѣмъ, тѣ самые люди, свободные отъ обмана и независимые и образованные на средства рабочаго народа и по этому одному уже обязанные служить ему, — не видятъ этого.

„Религіозное ученіе не важно, — говорятъ эти люди. Это дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка. Важно и нужно, — политическое, соціальное, экономическое устройство общества, и на это должны быть направлены всѣ усилія людей, желающихъ служить народу. А религіозныя ученія всѣ не важны и, какъ всѣ суевѣрія, сами собой исчезнутъ въ свое время". Такъ говорятъ эти образованные люди и, желая служить народу, одни изъ нихъ поступаютъ на службу къ правительству: въ войска, духовенство, члены парламентовъ, и стараются, не обличая того религіознаго обмана, въ которомъ находится народъ, своимъ участіемъ въ правительственной дѣятельности улучшить внѣшнія формы жизни обманутаго народа; другіе, революціонеры, точно такъ же не касаясь

вѣрованій народа, вступаютъ въ борьбу съ правительствами, стараясь овладѣть властью тѣми же самыми, какъ и правительства, средствами обмана и насилія; третьи — соціалисты, устраиваютъ рабочіе союзы, товарищества, стачки, полагая, что состояніе народа, — несмотря на то, что онъ будетъ оставаться въ томъ же производимомъ ложнымъ ученіемъ заблужденіи суевѣрія или невѣрія, — можетъ быть улучшено. И ни тѣ, ни другіе, ни третьи не только не препятствуютъ распространенію ложной религіи, на которой основано все зло, но когда въ томъ встрѣчается необходимость, — исполняютъ признаваемые ими лживыми религіозные обряды: — сами присягаютъ, участвуютъ въ богослуженіяхъ и торжествахъ, одуряющихъ народъ, и не препятствуютъ обученію своихъ и чужихъ дѣтей въ школѣ, такъ называемому, закону Божію, — той самой лжи, на которой основано порабощеніе народа. Это-то непониманіе образованными людьми (тѣми самыми, которые болѣе всѣхъ другихъ и могли, и должны бы были разрушать ложное ученіе) того, въ чемъ главная причина зла, и именно на что и должны быть направлены всѣ ихъ усилія, и отвлеченіе этихъ усилій на ложные пути — и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ того, что существующій строй жизни, очевидно ложный и губительный для людей, упорно продолжаетъ держаться, несмотря на сознанную уже всѣми его несостоятельность.

Отъ того, что скрыто отъ людей истинное христіанское ученіе, соотвѣтствующее требованіямъ нашего времени, и на мѣсто его проповѣдуется ложное — отъ этого всѣ бѣдствія нашего міра.

Только бы люди, желающіе служить Богу и своимъ ближнимъ, поняли, что человѣчество движется не животными требованіями, а духовными силами, и что главная движущая человѣчество духовная сила есть религія, т. е. опредѣленіе смысла жизни, и, вслѣдствіе этого смысла, различеніе хорошаго

отъ дурного, и важнаго отъ неважнаго. Только бы поняли это люди, и они тотчасъ же увидали бы, что основная причина бѣдствій теперешняго человѣчества не во внѣшнихъ матеріальныхъ причинахъ: — не въ политическихъ, не въ экономическихъ условіяхъ, а въ извращеніи христіанской религіи — въ замѣнѣ истинъ, нужныхъ человѣчеству и соотвѣтствующихъ его теперешнему возрасту, собраніемъ безсмысленныхъ, безнравственныхъ нелѣпостей и кощунствъ, называемыхъ церковной вѣрой, посредствомъ которыхъ нехорошее считается хорошимъ, и неважное — важнымъ, и наоборотъ: — хорошее нехорошимъ и важное неважнымъ.

Только бы лучшіе, независимые люди, желающіе искренно служить народу, поняли, что невозможно никакими внѣшними мѣрами улучшить положеніе человѣка, считающаго нехорошимъ ѣсть мясо въ пятницу и хорошимъ то, чтобы наказать смертью провинившагося человѣка, и важнымъ — то, чтобы была оказана подобающая почесть иконѣ или императору, а неважнымъ то, чтобы присягнуть на исполненіе воли другихъ людей и обучаться убійству. Только бы люди поняли, что никакіе парламенты, стачки, союзы, потребительныя и производительныя общества, изобрѣтенія, школы, университеты и академіи, никакія революціи никакой существенной пользы не могутъ сдѣлать людямъ съ ложнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, и тогда сами собой всѣ силы лучшихъ людей направились бы на причину, а не на послѣдствія, — не на государственную дѣятельность, не на революцію, не на соціализмъ, а на обличеніе ложнаго религіознаго ученія и возстановленіе истиннаго.

Только бы поступали такъ люди, и сами собою разрѣшились бы всѣ: и политическіе, и экономическіе, и соціальные вопросы, — такъ, какъ имъ нужно быть разрѣшенными, а не такъ, какъ мы предугадываемъ и предписываемъ.

Разрѣшатся всѣ эти вопросы, разумѣется, не сейчасъ и не по нашему желанію, какъ мы привыкли устраивать жизнь другихъ людей, заботясь только о томъ, чтобы жизнь эта, по внѣшнему, была похожа на то, что̀ намъ хочется (то самое, что̀ дѣлаютъ всѣ правительства); но вопросы эти навѣрно разрѣшатся, если только измѣнится религіозное міросозерцаніе людей, и тѣмъ скорѣе разрѣшатся, чѣмъ больше мы будемъ прилагать наши силы не на послѣдствія, а на причину явленій.

Но обличеніе лживой религіи и утвержденіе истинной есть очень отдаленное и медленное средство, — говорятъ на это. Отдаленное оно или медленное, оно — единственное или, по крайней мѣрѣ, такое, безъ котораго никакія другія средства не могутъ быть дѣйствительны.

Глядя на ужасное, противное и разуму, и чувству устройство человѣческой жизни, я спрашивалъ себя: неужели это такъ надо?

И отвѣтъ, къ которому я прихожу — тотъ, что нѣтъ, этого не надо.

Не надо этого, и не должно быть и не будетъ.

Но не будетъ не тогда, когда люди такъ или иначе перестроятъ свои отношенія, а только тогда, когда люди перестанутъ вѣрить въ ту ложь, въ которой они воспитываются, и повѣрятъ въ высшую истину, которая уже 1900 лѣтъ открыта имъ и — ясна, проста и доступна ихъ разуму.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна,
14 октября 1900 г.

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England.

		Р.	К.
1.	Напрасная Жестокость. *В. Черткова.* (Распродано)	—	20
2.	Голосъ Древней Церкви. *И. Трегубова.* „	—	12
3.	Помогите! Обращеніе къ обществу. *П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.*	—	12
4.	Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. *П. Бирюкова и В. Черткова.*	—	20
5.	Письма Петра Васильевича Ольховика.	—	30
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? *Л. Н. Толстого.*	—	12
7.	Приближеніе Конца. *Л. Н. Толстого.* (Распродано)	—	12
8.	Объ отношеніи къ государству. (2-ое изданіе.) *Л. Толстого.*	—	20
9.	Царство Божіе внутри васъ. *Его же.*	1	—
10.	Христіанское ученіе. *Его же.*	—	50
11.	Гдѣ братъ твой? *В. Черткова.*	—	20
12.	Голодъ или не голодъ? *Л. Н. Толстого.*	—	10
13.	Мой отказъ отъ военной службы. *А. Шкарвана.*	—	60
14.	Свободное Слово, № 1. Періодическій сборникъ подъ редакціей *П. Бирюкова.* (Распродано)	1	—
15.	Листки Свободнаго Слова, № 1. Повременное изданіе подъ редакціей *В. Черткова.*	—	20
16.	Листки Свободнаго Слова, № 2.	—	20
17.	Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ *Е. Поповъ*, съ послѣсловіемъ *Л. Н. Толстого.*	—	60
18.	Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ. *Л. Н. Толстого.*	—	20
19.	Свободное Слово, № 2.	1	—
20.	Листки Свободнаго Слова, № 3.	—	30
21.	Воскресеніе. Романъ *Л. Н. Толстого.*		
	Первое изданіе. Три части. (Распродано)	3	—
	Второе изданіе. Въ одномъ томѣ. (Распродано)	2	—
	Третье изданіе. Въ одномъ томѣ. —	1	25
	Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями.	4	—
	Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	1	50
22.	Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно“. *Л. Н. Толстого.*	—	5
23.	Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. *Л. Н. Толстого.*	—	5
24.	Листки Свободнаго Слова, № 6. О манифестаціяхъ въ пользу мира.	—	15

25. Листки Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена. — 5
26. Листки Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
27. Листки Свободнаго Слова № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
28. О сожженіи оружія. Разсказъ *Н. Зибарова.* — 20
29. Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей *А.* и *В. Чертковыхъ.* — 30
30. Листки Свободнаго Слова, № 10. По поводу студенческаго движенія. *В. Черткова.* — 10
31. Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. — 10
32. Листки Свободнаго Слова, № 12. Два письма Л. Н. Толстого. — 10
33. Листки Свободнаго Слова, № 13. Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 года. — 20
34. Жизнь и ученіе Іисуса. *Л. Н. Толстого.* — 25
35. Финляндскій разгромъ. Сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.* — 60
36. Листки Свободнаго Слова, № 14. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
37. Листки Свободнаго Слова, № 15. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
38. Листки Свободнаго Слова, № 16. Патріотизмъ и правительство. *Л. Н. Толстого.* — 20
39. 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки *Л. А. Волкенштейнъ.* Съ примѣчаніями *В. Бурцева.* Съ замѣткою *В. Г. Черткова.* — 40
40. Мысли о Богѣ. *Л. Н. Толстого.* — 30
41. Англо-русскій разговорный словарь, примѣненный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ *(печатается).*
42. Листки Свободнаго Слова, № 17. „Не убій". *Л. Н. Толстого.* По поводу убійства короля Гумберта. — 10
43. Рабство нашего времени. *Л. Н. Толстого.* — 50
44. Листки Свободнаго Слова, № 18. Гдѣ выходъ? *Л. Н. Толстого.* О положеніи рабочаго народа. — 15

Просимъ обратить вниманіе на уменьшенныя цѣны на нѣкоторыхъ нашихъ брошюрахъ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

„ЛИСТКИ СВОБОДНАГО СЛОВА“, № 18.

Содержаніе: Гдѣ выходъ? *Л. Н. Толстого.* О положеніи рабочаго народа. — **Замѣтка отъ Редакціи.** *В. Ч.* — **Изъ частныхъ писемъ Льва Николаевича Толстого** къ *В.* и *А. Чертковымъ* за 1900 г.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Письма П. В. Веригина

(сосланнаго въ Сибирь въ 1887 г.).

Изложеніе Евангелія.

Съ примѣчаніями,

взятыми изъ подробнаго изслѣдованія 4-хъ евангелій.

Л. Н. Толстого.

Теодоръ Паркеръ.

Біографія и его книга:

„Изслѣдованіе Вопросовъ, относящихся къ Религіи“.

АМЕРИКА (Amerique).

A. U. Evalenko. International Publ. Co. 23, Duane Str., New [York. U. S. A.
B. Kreidman. 516 E, 12-th Street, New York City. U. S. A.
A. Wasserman. 29, Clinton Street, New York City. U. S. A.

БЕЛЬГІЯ (Belgique).

Bibliothèque Russe. 19, rue André-Dumont, Liège.
Librairie Néerlandaise. Directeur L. H. Smeding. 50, Marché [St. Jacques, Anvers.

ВЕНГРІЯ (Hongry).

D. Makowicky. Zsolna, Silein, Ob. Ungarn.
Pajevic Ujvidék. Librairie. Новый Садъ (Nowi Sad).

ГЕРМАНІЯ (Allemagne).

Behr'sche Buchhandlung. 47, Unter den Linden, Berlin.
Mayer & Müller. Buchhandlung. 2, Prinz Louis Ferdinand- [strasse, Berlin.
Nikolai'sche Buchhandlung. 75, Dorotheenstrasse, Berlin, N. W.
Stur'sche Buchhandlung. 61, Unter den Linden. Berlin.
F. A. Brockhaus. Buchhandlung. Leipzig.
Raimund Gerhard. Buchhandlung. 12, Lessingstrasse, Leipzig.
Karl W. Hiersemann. Buchhandlung. 3, Kœnigstrasse, Leipzig.
E. Kasprowitsch. 16, Querstrasse, Leipzig.
A. Twietmeyer. Buchhandlung. Leipzig.
Russische Lesehalle. 4, Mærzgasse, Heidelberg.
Bon's Buchhandlung. 7, Junkerstrasse. Kœnigsberg.
Engelmann's Nachf. Buchhandlung. 14. Schlossstrasse, Dresden.
M. Lilienthal. Buchhandlung. 101, Friedrichstrasse, Berlin, N. W.

ДАНІЯ (Danmark).

A. Host & Son. Buchhandlung. 35, Bredgate, Copenhague.

ИТАЛІЯ (italie).

Libreria Spithöver. Roma.
Lœscher & Cº. Libreria. Roma.

Испанія (Espagne).

G. Schulze, Libreria International. 57, Calle de Ferdinando VII, [Barcelone.

СЕРБІЯ (Serbie).

Mita Staitch. Knizarna. Belgrad.

ФРАНЦІЯ (France).

Boyveau & Chevillet. Librairie, 22, rue de la Banque, Paris.
F. Vieweg. Librairie, 67, rue Richelieu, Paris.
La Société Nouvelle. Direct. F. Malterre. 17, rue Cujas, Paris.
Librairie H. le Soudier. 174-176, Boulevard St.-Germain, Paris.
Ch. Eitel. Librairie, 18, rue de Richelieu, Paris.
Librairie Galignani. 224, rue de Rivoli. Paris.
" " 8, Avenue Massèna, Nice.
Levent & Chevalier. 50, Quai St. Jean Baptiste, Nice.
L. Gross. Librairie, 2, rue Maccarani, Nice.
Librairie Nouvelle Vial. 34, rue d' Antibes, Cannes.
C. B. Faist. Librairie à Cannes.
Librairie de toutes les langues. Zalesky. 15, rue Longchamp, [Paris.

ШВЕЙЦАРІЯ (Suisse).

Paul Birukoff. Onex près Genève.
E. Schlesinger. Librairie à Vevey, Montreux & Territet.
M. Elpidine. 20, route de St. Julien, Carouge, Genève.
Eggimann & Cº. 1, rue Centrale, Genève.
Georg & Cº. 10, Corraterie, Genève.
Stapelmohr. 24, Corraterie, Genève.
B. Benda. Buchhandlung. Place Centrale, Lausanne.
Consum Verein (при русской студенческой кухнѣ). 33, Clausius-
Schmid & Francke. Librairie. Berne. [strasse, Zürich.
C. M. Ebell. Buchhandlung. 14, Ob. Bahnhofstr., Zürich.
Eugen Speidel. Buchhændler. Oberstrasse, Zürich.
Albert Müller. Buchhandlung. 18, Sonnenquai, Zürich.

Лицъ, живущихъ за границей, просимъ при выпискѣ нашихъ изданій имѣть въ виду, что 1 рубль равняется 2 шил. 1 пен. (Англія); 2 фр. 50 сант. (Франція, Швейцарія, Бельгія, Италія, Болгарія, Сербія); 2 марк. 10 пф. (Германія); 2 крон. 50 гел. (Австрія); 50 цент. (Сѣверная Америка). Просимъ высылать деньги при заказахъ соотвѣтственно этой оцѣнкѣ заказными письмами по адресу: A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England.
